

СЛУЧАИ — только что прошедший дождь и хмурое небо — заставил меня укоротить обязательную вечернюю прогулку и зайти на концерт двух эстрадных певцов Ирины Подашьян и Льва Барашкова. Я подумал, если уж им двоим в Летнем театре Центрального парка культуры и отдыха имени Горького выпала честь представлять эстрадную песню, значит, они это право завоевали. И, давний, любитель эстрады, я услышу что-то новое и неожиданное.

Некоторые песни Ирине Подашьян удались. Но вот она поет монолог Л. Опаншина на музыку О. Фельцмана «Уходи». Первая его часть — женщина очарована, ослеплена любовью — еще как-то звучит. Начинается разочарование, и пение становится зловещим. В последней части наступает разрыв — и певица задыхается, расклевывается, состояние полубормочное... Подашьян хочется уже не слушать, а поддержать под руку.

Второй же исполнитель, Лев Барашков, своим пением меня просто ошеломили. Поет он громко. Голос есть. Но, как когда-то справедливо заметил Леонид Утесов, без голоса петь можно, без сердца — нельзя. А сердце зачастую отсутствует в пении Барашкова. Вот он поет песню — легенду наших дней. Ее сюжет: в минуты, когда, по всемирному уговору, умолкают радиостанции, раздалось вдруг признание в любви. И вот это признание Барашков счел почему-то нужным — простите, я не могу найти другого слова — проорать. Легенда

ЭСТРАДА

КРЕСЛО № 13

БЕЗ СЕРДЦА ПЕТЬ НЕЛЬЗЯ

же эта, впервые рассказанная писателем Аркадием Сахниним, именно потому нас всех так и поразила, что мы явственно услышали тихое, интимное, из глубины сердца идущее признание в заповедный миг, когда молчит все человеческое.

Исполняя милую веселую песенку Флярковского «Кеды», он и нож поднимает, и скачет, и вышагивает, и даже, запустив глубоко за воротник пиджака руку, снимает со спины горчичник. В шуточной песне о космонавтах он показывает созвездия Рака, Кэзерога и даже Пегаса, причем сей излюбленный скакун поэта у Барашкова лягается.

И вот что удивительно: Барашков не одинок. Мне кажется, он — крайнее вы-

ражение явной и заметной тенденции.

Вспоминаю, в начале лета я был на Московском фестивале советской эстрадной песни. Увы, пыльное название прикрывало очередной творческий «эксперимент» Москонцерта. На этом фестивале, подготовленном к открытию сезона в эстрадном театре «Эрмитаж», многие из «звезд» с удивительной наглядностью представили вышеупомянутое новое направление в эстрадной песне. Почти все певцы и певицы расхаживали по эстраде, они приплясывали, форсировали звук, пантомимически изображали то, о чем в песне поется. Особенно усердствовал в этом И. Кобзон. Казалось, он делает все для того, чтобы отключить наш слух, — такую нагрузку давал он нашему зрению. С каждым новым выступлением я убеждался: переборы, переигрывание, нажимы становятся просто бедствием.

В том же фестивале участвовала Майя Кристалинская. Никогда я не устану восхищаться ее редкостным умением «растворяться» в каждой песне и ее умением держаться на эстраде.

С Л. Утесова, К. Шульженко, М. Бернеса пошли в народ лучшие советские песни. Никогда не потрясали нас эти исполнители мощью голосов. Они «брали в плен» прежде всего задушевностью чувства. Настоящий мастер никогда не оскорбит песню бутафорскими украшениями.

В. СУХАРЕВИЧ

Лит. газет, 1967, 13 сент. № 34